
СТАНИСЛАВ |
БЕЛКОВСКИЙ |

| ЗЮЛЬТ

Издательство АСТ
■ Москва

УДК 94(092)(470)
ББК 63.3(2)635-8
Б43

Издательство выражает благодарность литературному агенту
Анне Сухобок.

*Все события и персонажи вымышлены,
и все совпадения случайны.*

Белковский, Станислав Александрович.
Б43 Зюльт / С.Белковский. – Москва: Издательство АСТ, 2015. –
352 с. – (Ангедония. Проект Данишевского).
ISBN 978-5-17-092740-1

Станислав Белковский – один из самых известных политических аналитиков и публицистов постсоветского мира. В первом десятилетии XXI века он прославился как политтехнолог. Ему приписывали самые разные большие и весьма неоднозначные проекты – от дела ЮКОСа до «цветных» революций. В 2010-е гг. Белковский занял нишу околополитического шоумена, запомнившись сотрудничеством с телеканалом «Дождь», радиостанцией «Эхо Москвы», газетой «МК» и другими СМИ. А на новом жизненном этапе он решил сместиться в мир художественной литературы. Теперь он писатель.

Но опять же главный предмет его литературного интереса – мифы и загадки нашей большой политики, современной и бывшей. «Зюльт» пытается раскопать сразу несколько исторических тайн. Это и последний роман генсека ЦК КПСС Леонида Брежнева. И секретная подоплека рокового советского вторжения в Афганистан в 1979 году. И семейно-политическая жизнь легендарного академика Андрея Сахарова. И еще что-то, о чем не всегда принято говорить вслух.

УДК 94(092)(470)
ББК 63.3(2)635-8

ISBN 978-5-17-092740-1

© С.Белковский, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ЗЮЛЬТ

РАССКАЗ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ВОСЕМЬ И СЕМЬ ДЕСЯТЫХ

— У нас сегодня сколько?

— Тридцать девять и восемь, Леонид Ильич.

— А у них?

— Сорок восемь и пять.

Почему не «Леонид Ильич»? Черт их всех не разберет.

— Значит, мы на десять процентов отстаем?

— Ну зачем на десять?..

«Зачем» — это я тебя хотел спросить. И «почему» — тоже хотел.

— На восемь целых семь десятых.

— А было три с половиной?

— Было три целых пять десятых, Леонид Ильич.

Вот. Теперь есть.

Брежнев еще мог бы напомнить Суслову, что с самого начала было три с половиной в нашу пользу. Но не стал. Зачем напрягать чувака? Он и так весь выглядит, будто на нем картошку чистили.

Привязалось же это слово — «чувак». Молодежь теперь так говорит. Внук, Андрюшка. Или сын. Нет, сын уже не молодежь. Он так говорить не может. Как это — чтобы у семидесятитрехлетнего старика сын был молодежь. Так разве бывает? У семидесятитрехлетнего старика. Семьдесят три. Не так уж много, если задуматься. Какой-то еврейский царь — или пророк, бес их там всех знает — до ста двадцати правил, пока мертвым в бассейне не нашли. Это Никодим рассказывал. А Никодиму-то сколько было, когда умер? Сорок девять. То-то же.

Нет. Даже сорок восемь. До сорока девяти не дотянул немного. Он-то октябрьский. А умер в сентябре. В начале. Еще когда дождь такой крупный бился о кремлевское стекло.

А говорят, у Брежнева памяти нет.

Семьдесят три.

Витя передала. Чазов лепит, что на самом-то деле организм у меня на семьдесят восемь. Минимум. Дряхлый такой. Укатали сивку крутые горки. А зачем передала? Бабы-дуры. С тех пор об этом и думаю. А чего думать-то, если разобраться. Семьдесят восемь минус семьдесят три равняется пяти. Пять лет разницы всего. По сравнению-то со ста двадцатью и смертью в бассейне. Приходят в бассейн в «Завидово», а там — охрана недосмотрела, кирдык.

А еще лучше в бассейне «Москва». Принять с утра рюмочку. Зубровки какой хорошей или наливки. Поехать встретиться с народом. Народ наш советский стариков любит. Уважает, по крайней мере. А stodvactiletних-то и подавно. Таких-то стариков никто нигде живыми не видел. Говорят, в горах. В Грузии. Или на Памире. Пик Коммунизма — это на Памире? Вот где-то там. От горного воздуха живут и живут, и ничего им не делается. Никакой Чазов не нужен. Пять лет туда, пять лет сюда — как послеобеденный сон. Хотя врач какой-то мне после войны говорил, что после обеда сон серебряный, а до

обеда — золотой. И врач-то был из дворянского рода. Как-то на букву Б. Отчего его не расстреляли, сам не понимаю. Не упоминаю сам.

Но чтобы в центре Москвы и не спустившись с Коммунизма, а прямо прибывши на машине из близлежащей Московской области — такого-то никто не видел. И тогда пойти в бассейн. Передозировка хлорки — и умереть.

И сразу вой-то какой начнется! Мол, кого потеряли-то, чуваки! Тьфу, черт, опять это слово дурацкое. Я-то матом не ругаюсь. А то бы сказал, как есть. Ну почти не ругаюсь. Про себя не ругаюсь. Про себя-то чего ругаться? Ругаться надо громко, чтобы смысл был, и дело становилось. А так просто, как базарный извозчик в такой грузный день...

День и впрямь был грузный. Вроде и холодно, да и как-то не свежо. И кондиционер не включишь, и окно не откроешь. Это они не продумали. Чазов вообще не думает. Зачем Вите говорить, что я дряхлый на семьдесят восемь? Ну зачем? Сегодня семьдесят восемь, а завтра... Бух в котел — и там сварился. Иосиф Виссарионович этого Чазова бы... Нет, уже привыкли. Уже серафиновым спиртом не вытравишь.

Они лучше решили бы, кто некролог писать будет. А то обычного говна сладкого своего нальют: видный деятель коммунистического и рабочего, верный сын чего-то там. А чего я верный сын? Я своих родителей так себе сын. Хотя они-то нынче там радуются. Что не спился их Ленька, и пресс кузнечный ему в цеху ногу не раздавил. А стал их Ленька большим начальником над половиной мира. Ей-ей, не шучу. И если в Берлине Леньку поминают, в Пхеньяне аukaется. Полмира. Шутка ли! И слова какие знаю теперь — Пхеньян.

Бовин исчез куда-то. У Игнатенко этого нового, его Суслов привел, рожа какая-то уж больно сладкая. Как у арбуза перекишего. Воняет прямо гнилым арбузом.

Этот точно сказал бы, что выгляжу на шестьдесят пять. И ни один волос в носу не дрогнул бы.

Тут, правда, мне один чувак...

Ексель-моксель.

Тут один мне парень понравился. И даже не помню, кто привел. Лет сорок ему, седовласый. Я-то в сорок лет седым не был, хоть и войну прошел. А этот, может, и красится. Ну и пусть себе красится в конце-концов. Так даже лучше выходит. Высокий такой. Пожал мне руку и говорит: «Рукопожатие крепкое у вас, Леонид Ильич!»

Во: рукопожатие крепкое! А не на семьдесят восемь дряхлость, как у мудака Чазова.

И хотя я про себя матом не ругаюсь. Но мудак — это ж не матерное слово. Или матерное. Надо справку отдела науки запросить. Руки все не доходят, черт его раздери. Продовольственная проблема к горлу подступает, тут уж не до мудака. Мудак потом. Ближе к бассейну.

А этого седовласого сорокалетнего я даже по имени запомнил. Саша Проханов его зовут, вот. Писатель он. Пишет там про что-то. Может, и возьмем. Надо с кем-то еще посоветоваться. С Михалковым. Он говорит, правда, как-то долго. Заикается вечно. Как меня увидит, так и начинает заикаться. От волнения, дескать. Хоть я-то не Иосиф Виссарионович, который ему карандаши дарил. Интересно, исписал он карандаш или нет еще? Или в запретном серванте держит, чтобы ни комочка не отвалилось? А может, крысы погрызли? Представляешь себе: приезжает Михалков на казенной «Волге» к себе на дачу, на Николину Гору. Сразу лезет в запретный сервант посмотреть, на месте ли Иосифа Виссарионыча карандаш. А там уже все крысы погрызли! Один ластик остался! Заикайся теперь, не заикайся — трындец всему. Это меня внук Андрюшка научил: вместо «пиздец» говорить «трындец». Какое-то слово переводное и почти даже не матерное. Но Михалкову-то

все равно. Ему что трындец, что пиздец. Был великий карандаш, да весь и погрызли. Просрал карандаш, батенька. Навсегда просрал. Потому что от крыс никакой запретный сервант не помогает. Это если б ты в Днепродзержинске на кузнечном цеху поработал, сразу бы знал. Крысы даже фрезерный станок сожрут, если голодные. А ты-то, заика хренов, только все по Москве и Московской области. Хряпнул коньяку в «Национале», закусил селедочкой в «Метрополе» — и с шофером личным на имение, в Николину Гору. Ну еще по заграницам, конечно. Здесь гимнюку гребаному равных нет. Как тебе было карандаш сберегти! Теперь-то уж только стреляться. Но ты и наградной пистолет, что я тебе на юбилей справил, профукал. На шестьдесят лет я ж тебе, сука — а вот это точно не матерное, собака простая, женского пола, правда, — я тебе этими дряхлыми руками вручил. На твои шестьдесят лет, не мои. Я тебя лет на семь старше, помню, почти точно помню. А потом твой сынуля пистолет в Америку вывез. Провез его там каким-то евреям и на вырученное жил три года. Ему ж кино-то снимать не давали. Да и теперь не дают — кому нужен сын заики советского долговязого? Мне таможенники тогда говорят: «Леонид Ильич, вывез сынок наградное оружие-то». А я им: «А вы чего ж не задержали-то, дурачье?» А они мне: «А он все вашим именем клялся. Дескать, позвоню Леониду Ильичу, он все временно разрешил. Мы и зассали как-то».

Зассали.

8

Вот до чего дошли советские органы управления.

Я им временно разрешил, так они и зассали.

А если им обратно временно запретить, как Иосисса-рионич?

Что бы там Чазов ни трындел. Я хоть и говорю плохо. И перловка несвежая во рту у меня. Я не заикаюсь. Как некоторые. И до самого бассейна «Москва» заикаться не буду. До ста двадцати.

— Какого числа выборы, Михал Андрейч?

— Двадцать четвертого февраля, Леонид Ильич.

О! «Леонид Ильич». Снова понял. А то забываются кругом, демоны. Временно разрешил.

— Это, значит, какого года?

Вот из-за этого и поговаривают, что Леонид Ильич в полном маразме. А он вообще ни в каком ни в маразме. Он просто хочет, чтобы у козла Сулова тоже мозги ворочались. А не только у Генерального секретаря и Председателя Президиума. А то вишь, скажут: временно разрешил.

— Одна тысяча девятьсот восьмидесятого, Леонид Ильич.

— Это, значит, как почти когда Олимпиада у нас?

— Совершенно верно. У нас. Девятнадцатого июля открытие. Одна тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Мог бы сказать и «так точно», но не военный же. Так что пусть будет и «совершенно верно». Устинов с Андроповым вон говорят «так точно», а толку что? Не прибавляется. Даже не знают, что делать, когда Генеральный секретарь в бассейне «Москва» концы отдаст.

А ведь отдаст — что тогда со страной будет...

Так точно.

И Олимпиада эта свалилась нам на голову, будь она неладна. Я, если разобраться, всегда против был. Народ без сапог ходит, так еще и Олимпиаду за три миллиарда рублей. Три миллиарда советских рублей! У меня на цифры память вообще плохая, а тут запомнил. С точностью до нулей. И Никодим, владыка Никодим мне говорил: «Глумцы-акробаты не доведут до добра. Закрывай Олимпиаду, Леонид Ильич».

Но как уже закрывать-то? Поздно. Это сначала Никсон меня втравил. Голову совсем заморочил: вот проведешь международные Игры, имидж Советов исправишь. А какой еще у Советов имидж? Зачем его исправлять? Вон Иосиссарионыч никаких Игр не проводил. А Гитлер, дай бог память, проводил. И? Имидж у нас сломался, тоже мне разбери?

А потом полезли изо всех щелей. Вон тот же Суслов. Проводить, чтобы обязательно проводить. Тогда мы всем докажем и покажем, чего стоит развитой социализм. И летние валенки на соболином меху. А что доказывать-то?.. Эх... Кто слушать-то будет?

И дети мои туда же. Им бы покрасоваться, с иностранцами выпить-погулять. Говорят, давай, давай Олимпиаду, когда еще будет!

Вот вам и Олимпиада. Три миллиарда — и без сапог.

Я в прошлом году на Юрмалу заезжал. Так тамошний первый секретарь, Август Эдуардович, фамилия какая-то короткая, хрен запомнишь, перебрал своего «Рижского бальзаму» — а его, по мне, так и в рот не возьмешь, противный такой, я про бальзам сейчас — да прямо и говорит у меня на плече:

— Знаете, Леонид Ильич, какое самое большое достижение Латвийской компартии за всю ее историю?

Эти прибалты умеют говорить витиевато. Они ж раньше немцами были, пока мы их окончательно не спасли.

Я хотел спросить, какое же именно, но не успел — рот был весь ихней семгой забит. Говорят, что семгу прямо у порта Вентспилса ловят. Но знающие люди из сельхозотдела докладывали, что семга-то на самом деле норвежская, на нее латыши-жулики только этикетки клеят. Верю, верю. В глаза Августу Эдуардычу как посмотришь — и не в то поверишь. Еще.

А бальзам я их «Рижский» на дух не переношу. Вот просто вкуса не перевариваю. Это как микстура детская, только грязная, вредная какая-то.

И Август Эдуардович-то продолжил:

— Самое большое достижение, Леонид Ильич, — а еще с акцентом таким противным, будто только что из оккупации и Иосиссарионыч временно разрешил, — что мы на Политбюро пробили, чтобы олимпийская регата не у нас проходила, а в Таллине.

Я даже мыслями так сделать не могу, каким акцентом этот шпротный человек говорит.

Он же пьяный совсем. Прибалтам столько пить нельзя. Он ведь что только сейчас сказал? Что обманули мы Политбюро. И тебя, товарищ Генеральный секретарь, со всем твоим великим подвигом, вокруг пальца обвели. Ведь вы нам олимпийскую регату поручали? Поручали. А почему она теперь не у нас, а в Таллине? А чтобы мы и дальше свои этикетки на норвежскую рыбу клеили. А эстонцы, значит, без сапог. Хотя, может, эстонцы и в сапогах. Они всегда тоже устраиваться умели. Вот мне Суслов рассказывал (или это Никодим был? Нет, Суслов все-таки), что эстонцы в первый же день немецкой оккупации от всех евреев избавились. До единого. Кого убили, а кого фашистам выдали. И как-то это еще назвали красиво, как дорогие духи. Вот «Шанель N°5» помню, а это не помню.

— Михал Андрейч!

— Да, Леонид Ильич!

— А вот когда эстонцы всех евреев фашистам выдали, это как называлось?

— Юденфрай, Леонид Ильич. Но это не только эстонцы, это вообще, если кто где евреев...

— Ладно, ты мне голову-то не морочь. Хорошее слово. Повтори еще раз. Как там, ты говоришь, иденрай?

— Юденфрай, Леонид Ильич.

Красиво, действительно. Но так немецкие духи должны называться, не французские. Типа «Лагерфельд»? Есть такие. Тоже что-то лагерное. Иосиссарионычу понравилось бы. Шутка. Шутка это была, но вслух же такую не скажешь. Никто ж не засмеется. Он-то временно ничего не разрешал. Это вам не Леонид Ильич.

Надо будет канцлеру Шмидту позвонить, спросить. Может, и закупим к Олимпиаде миллион коробков «Юденфрай». То есть «Лагерфельд». Чтобы иностранцев порадовать. Чтоб они женам чего с нашей Олимпиады домой привезли. Все толк будет. Может же и от Олимпиады какой толк получится.

А Августу Эдуардычу этому с его регатой я еще припомню. Он в протоколах-то пусть читает, как я Петю Шелеста прихлопнул. Взял и прихлопнул, никто и не пукнул. Шпротнику этому через год, говорят, шестьдесят пять? Ну и хорошо. Проводим на заслуженный отдых. Радиоприемник «Спидолу» подарим. Чтобы «голоса» слушал, она берет. И ящик «Рижского бальзама». А то и два ящика. Такой запах будет, что к нему до смерти самой никто близко не подойдет.

12

А в Латвии, мне сказали, уже сорок процентов русских? Вот мы им русского первого секретаря и сосватаем. Хоть Сулова. Который тут сейчас сидит передо мной и улыбается, как будто мы побеждаем. А мы в жопе полнейшей, товарищ Сулов. На восемь целых семь десятых отстаем. Председатель Президиума Верховного Совета СССР проигрывает в одномандатном округе вождю диссидентов академику Сахарову. Вообще не попадает Председатель в свой Верховный Совет. И где проигрывает — в Москве, в столице! А Сахаров — проходит. И что тогда скажет весь мир? Что зря Ленька Брежнев из Днепродзерж-

жинска уехал, лучше б на Днепровском заводе кузнечным цехом руководил.

А еще лучше — замглавного технолога. К сорока годам — трехкомнатная, к пятидесяти — семь соток. И никаких проблем. Десять ящиков водки, хватит на первую половину отпуска.

Правда, Сулов никакой не русский по сути. Он чеченец. Не смейтесь. Сейчас расскажу. Сам себе расскажу.

— Михал Андрейч, а сегодня какое число?

— Двенадцатое декабря.

Опять без «Леонида Ильича». Ну да ладно. Устал. Я устал.

А то не помню, что двенадцатое декабря. Вчера ж одиннадцатое было — Витин день рождения. Я ей цветов подарил. Охранники привезли. И палехскую шкатулку. Поцарапанную малость, но ничего. Старую, зато настоящую. Мне первый секретарь ивановский лет пять как прислал. А она не плакала. Жена-то не плакала. В первый раз за всю жизнь ни слезинки. Вот ведь как бывает.

— Значит, осталось два месяца?

— Два месяца. Чуть больше — два и две недели.

— И восемь с половиной сейчас?

— Восемь целых семь десятых, Леонид Ильич.

— А там еще Новый год и все такое. Все наши в запой уйдут. Значит, если так, Леонид Ильич Брежнев, первое лицо партии и государства, пролетает мимо Верховного Совета, а туда влетает прямо академик Сахаров? И все это происходит в городе Москве? Где заседает сам Верховный Совет, ЦК и все прочие остальные органы всесоюзной власти? Так?

Я не кричал. Куда мне кричать с моей дряхлостью? Семьдесят восемь, проклятый Чазов. Я просто хотел, чтобы Суслов нашел, че ответить.

А он замолчал. Потому что подумал, что я закричал. И не смог сразу справиться с волнением, хоть и кавказец.

Суслов же сызмальства был какой-то Алханов или Гелаяев. Он в Чечне родился. В Чечено-Ингушетии, она так, кажется, называется. Иосиф Виссарионович так окрестил.

До войны еще Суслов там комсомол возглавлял. А перед самой войной, в сороковом, кажется, стал первым секретарем Грозненского горкома. Партии. И, говорят, потом немцам очень помогал. Что-то типа «лагерфельда» с иденраем они там устраивали. Нормально никто не знает, но слухи ходят. И был он тогда никакой не Михал Андрейч, а вроде типа Ваха Русланович или нечто что-то похожее.

Хотя откуда на Кавказе евреи, если подумать? Но с другой стороны. Могли там быть евреи, и много. А потом пришли немцы и устроили вместе с Сусловым свой «лагерфельд». Так ведь тоже могло быть?

Черт его разберет. На архивы времени уже никакого не остается, даром что до ста двадцати.

А в сорок четвертом — это я точно знаю, мне и Андропов по секрету докладывал — Ваха Русланович проспал депортацию. Вот ей-ей — начисто проспал. Заснул в Грозном где-то на чердаке. Надо было к пяти утра явиться на сборный пункт. Чтобы в эшелон — и дальше до Казахстана. А он не явился. И ничего ему за это не сделалось.

Стал он скоро Михаил Андреичем Суловым и переехал в самую Москву. Когда я еще молдаван ленивых песочил. А говорят еще, что евреев трогать нельзя. Врут, наверное. Вот у меня жена типа вроде еврейка. Я ее и не трогаю. Как говорят, так и делаю. Товарищ Генеральный секретарь и Председатель половины земного шара.

— Леонид Ильич, надо честно признать, посмотреть правде в глаза. В Москве разрыв нарастает!

Ты ж, собачий сын, идеолог, член Политбюро! А зачем ты мне слово «Москва» говоришь? Мы же в Москве с Сахаровым и боремся. А в других местах-то и не боремся. Так ваши дурацкие одномандатные округа устроены. В Москве нарастает — а что, есть где-то, где не нарастает? Где Леонид Ильич обходит академика Сахарова и прямо себе въезжает в Верховный Совет, на свое обычное председательское?

— А не в Москве что — не нарастает?

— По СССР рейтинг в среднем восемьдесят два на четырнадцать в вашу пользу. Только в Москве ситуация экстраемальная. Уникальная, я бы сказал.

Вообще, восемьдесят два плюс четырнадцать равно девятиности шести. Ну и пусть. Пусть будет. Мне-то что.

— Почему? Мы ж Москве всех больше даем. Вон в ГУМ зайди — и в универмаг какой-нибудь в Костроме.

Давненько не был ни там, ни там. Надо б исправить. Черт, опять забыл — как звали того седовласого? Который писатель?

— В Москве переизбыток интеллигенции. Она к материальным благам развитого социализма достаточно адаптирована. И вся как один за Андрея Дмитриевича.

— За кого?

Да, нельзя было так резко, по имени-отчеству чужого человека, да еще как бы врага.

— Андрей Дмитриевич — это Сахарова так зовут.

— Академика Сахарова?